

Пение волнистых попугаев / рассказ

Category: Некаýалар, Kitарсы

написано kitарсы | 24 января, 2025

Пение волнистых попугаев / рассказ ПЕНИЕ ВОЛНИСТЫХ ПОПУГАЕВ

На балконе у нас стояла уже несколько месяцев птичья клетка. Клетка была обыкновенная: с чернично-серыми, сильно потертыми от времени и от прежних обитателей, прутьями, синим, как густая вода, поддоном и несколькими деревянными игрушками (трапецией, лесенкой) в следах клювов и когтей. Клетка пустовала, потому что прежние обитатели ее умерли – один от возраста, другой же был прибит котом.

Кот продолжал жить с нами, но, несмотря на это обстоятельство, в один из дней мы решили завести нового питомца, и, помня, как приятно садился на голову и щебетал прежний наш волнистый попугайчик, решили вопрос в пользу именно этой птичьей породы. Мы несколько раз ездили в зоомагазин, выбирая самого юного, здорового и активного попугайчика, и в итоге нам приглянулся один: голубой расцветки, очень подвижный. Попугайчик этот не был ни слишком дружелюбен, ни слишком весел на вид, но нам он понравился какой-то неуловимой индивидуальностью, каким-то особенным выражением маленьких глаз – скорее печальным, чем жизнерадостным.

Его принесли в картонной коробке с отверстиями для воздуха. Тогда была зима и коробку на улице мы прятали под куртку, чтобы не застудить нового члена нашей семьи. Когда в магазине его ловили, чтобы извлечь из клетки – он укусил продавщицу за палец, а затем всю дорогу молчал, что свидетельствовало, конечно, о его дурном характере. Он только изредка перебирал внутри коробки когтями, издавая суетливый картонный скрежет. Впрочем, в клетке он через некоторое время пришел в доброжелательное настроение.

К заселению его клетка была вычищена, чтобы не оставалось никаких признаков прежних жильцов; поддон был вымыт и устлан

чистой газетой, поилка наполнена свежей водой, а в кормушку мы насыпали доверху зерновой смеси с добавлением витаминов. Дома, не раздеваясь, я поспешил переместить попугайчика в новый дом. Я раскрыл коробку и, придерживая рукой, прислонил к открытой дверце клетки. Чтобы помочь ему перебраться в новый дом, я стал весело постукивать по донышку дома временного. Зашумели крылья, захлопали – и клетка обрела нового жильца...

В тот же вечер мы всей семьей собрались любоваться им. Я запускал руку в клетку и пытался посадить попугайчика на палец. Потом, приблизив лица к прутьям клетки, мы произносили, ласково улыбаясь, разные слова, желая, чтобы попугайчик их повторял. Но тот лишь сидел на дальнем краю жердочки, поворачивал изредка голову и втягивал ее внутрь своего мягкого, дрожащего тельца.

– Как мы его назовем? – спросила мама.

Мы обсуждали это и прежде, но так и не подобрали имени. Теперь мы стали перебирать имена, называя их нарочно громко попугайчику, словно надеясь, что он сам покажет, которое из имен ему нравится больше. Остановились на Рике. С тех пор жилец назывался Риком, хотя я настаивал, что следует говорить не Рик, а Ричард. Мама в шутку сказала, что тогда это Ричард Третий. Он и вправду был у нас третьим, и стало немного грустно.

Клетку с Риком поставили, разумеется, в моей комнате. Кот приходил и часами глядел на клетку, которая стояла на шкафу, ему недоступном. В первые дни я часто, даже чаще, чем следовало, менял воду, постоянно подсыпал корм, а вечерами спускал клетку себе на стол, открывал дверцу, просовывал руку и пытался посадить Рика на палец. При этом я повторял: «Рик хороший, Рик. Хороший Рик...», чтобы обучить его говорить слова. В первые дни мама очень часто заглядывала в мою комнату и тоже разговаривала с попугайчиком, который, однако, даже через несколько недель не вполне примирился со своим положением: постоянно кусался и, что было огорчительнее всего, упорно молчал. Мы всячески пытались его «разговорить». Вблизи клетки я играл на гитаре, полученной в подарок на День рождения, папа пел или насвистывал на птичий манер. Мы даже приносили клетку

с Риком в ванную комнату и открывали воду (предшественники Рика всегда реагировали на звон разбивающейся о дно раковины водной струи). Но Рик молчал. Он совсем не оправдывал наших ожиданий. Только после многочисленных попыток его приучили садиться на палец. Впрочем, иногда он даже позволял себя погладить. Я каждый день открывал дверцу клетки, чтобы Рик мог полетать, размять крылышки, но он редко пользовался этой возможностью, вплоть до того, что приходилось силой выгонять его наружу.

Однако характер его с течением времени несомненно смягчился и кусаться он стал значительно реже. Он привыкал к нам.

Мне очень хотелось научить Рика говорить. Я искал в интернете, как научить попугая повторять слова, но Рик еще ни разу даже не защебетал, он не издавал никаких звуков, только щелкал клювом и когтями скрипел о жердочку. Так что в один день я решился применить крайнее средство. Я нашел запись пения волнистых попугаев и, забравшись на кровать, включил эту запись и поднес телефон вплотную к прутьям клетки. Услышав птичьи голоса, Рик очень встревожился, стал прислушиваться, оглядываться, и вдруг раскрыл клюв и заверещал. Прибежала мама, всплеснула руками:

– Запел! Боже мой, запел!

После этого Рик стал чаще петь; однако говорить он так и не начал. А вот пение, точнее, крик его стал, после нескольких дней восхищения, причинять нам всем значительные неудобства, ибо звучал всегда рано утром, даже до рассвета – должно быть, Рик чувствовал далекий рассвет своей родной земли и так встречал его. Сонный, недовольный, я поднимался с постели, хватал какую-нибудь тряпку, или даже тяжелое покрывало, и накидывал на клетку (я читал где-то, что так попугай думает, что снова ночь и засыпает). Но Рик не засыпал. Каждое утро он кричал все отчаяннее, бился о прутья клетки. Он как будто звал своих сородичей, голоса которых явно слышал, когда включали запись (после того первого раза я несколько раз из любопытства, как будет он реагировать, повторял тот же трюк). И Рик кричал, он как будто томился невыразимой тоской по своему племени, и звал, страстно желая вернуться домой.

Ему представлялось, должно быть, что стоит ему выбраться из клетки – и он легко найдет и родину свою и свою семью. Но с тех пор, как он стал кричать по ночам, я все реже выпускал его размять крылья, а затем и вовсе перестал, чтобы избежать лишних тревог. Я, однако, продолжал исправно менять в поилке воду и подсыпать зерна в кормушку. Совсем редко, когда появлялось настроение, я ставил клетку себе на стол, сажал, как прежде, Рика на палец, разговаривая, повторяя: «Рик хороший, Рик хороший попугай». Но у меня было немало своих дел, так что я не мог уделять слишком много внимания такому неблагодарному питомцу. Ведь, несмотря на все наше прежнее к нему внимание, Рик не выказывал по отношению к нам ни любви, ни преданности.

Месяцы проходили. Прошло лето, осенью я много времени проводил в школе, это был мой выпускной класс. В один из ноябрьских вечеров, когда я, усадив неблагодарного попугайчика на палец, поднес его к дверце клетки, чтобы выпустить полетать, Рик, почувствовав, должно быть, возможность побега, укусил меня очень больно за палец и вырвался на волю. Он стал носиться по комнате, очень громко и часто хлопая крыльями и пронзительно вереща. Он, кажется, был уверен, что где-то здесь есть выход, или что сородичи отзовутся на его крик и помогут. Но обнаруживалось, что из одной клетки, маленькой, он попал в другую, значительно более крупную и без прутьев. Не привычный к долгим полетам, он скоро устал и вынужден был сесть на одну из книжных полок, задыхаясь.

В комнату вбежали родители, проскользнул кот. Я вытащил из шкафа футболку и стал ее расправлять, как сеть. Рик, понимая, что времени терять нельзя, снова бросился искать выход. Он отчаянно носился по комнате (дверь мы предусмотрительно закрыли), но силы быстро оставляли его и в одно мгновение он почувствовал, что проваливается куда-то вниз. В тот момент кот, внимательно до поры следивший за метаниями попугайчика, совершил прыжок и сбил Рика лапой. Рик ощутил сильный удар, был отброшен в сторону, из последних сил захлопал крыльями и увидел вдруг дневной свет, небо, деревья. Смутные воспоминания ожили в нем и, поверив этим воспоминаниям, он вспорхнул к

окну... Но и здесь была преграда. Он пытался ее преодолеть. Мы в большом страхе наблюдали, как Рик снова и снова с пугающим стуком бьется в стекло. Наконец, совсем обессилив, он упал на подоконник, где замер, тяжело дыша. Кот, пластично изгибаясь, вспрыгнул на кресло и готов был уже прикончить попугайчика, но я оказался быстрее, набросив на Рика футболку.

Сквозь ткань нащупал и осторожно поднял слабо шевелящееся, теплое тельце и понес к клетке, куда и положил бережно, прежде освободив из плена плотного хлопка. Мы все вздохнули с облегчением. Рик сильно потревожил нас, мы даже испугались, не убится ли он, ударяясь о стекло. Но, кажется, он был здоров. Правда, когда дверца закрылась, он остался некоторое время лежать внизу, в поддоне. Постепенно он начал шевелиться, но еще не имел сил сидеть на жердочке и только ползал по прутьям. Наконец он забрался в угол поддона, весь забросанный ошметками семечек и его, Рика, собственным пометом (в последнее время я не очень регулярно чистил клетку). Так он и сжался в углу. Потом клетку вернули на высокий шкаф. Мы постепенно успокоились. Наша жизнь пошла по прежним путям.

Но жизнь Рика с той поры изменилась. Впрочем, я старался, чтобы все оставалось как прежде: ставил клетку на стол, запускал руку и говорил разные слова, и Рик снова проводил большую часть дня на жердочке, а не в поддоне, создавая видимость благополучия. Но он не садился больше на палец, а когда моя рука становилась слишком назойлива – пребольно кусал ее. Большую часть дня он молчал, только по ночам заходился хриплым, пронзительным криком. Я вынужден был, проснувшись, даже ударять кулаком по прутьям клетки. Рик тогда падал с жердочки и, несколько мгновений провозившись в мусоре (который никто теперь не убирал) затихал. Вскоре я перестал опускать клетку на стол и только раз в два-три дня менял воду в поилке и подсыпал еды.

Так проходили недели. Рик все больше времени проводил в поддоне, реже играл с лесенкой, реже перебирался цепкими лапками по жердочке. У него отрастали, закручиваясь в спирали, когти, бледнели ноздри, а клюв загибался длинным уродливым крючком и шелушился.

Каждое утро я, чтобы успокоить совесть, глядел на клетку и, если видел Рика сидящим на жердочке, то успокаивался. Но когда я утром впервые увидел, что Рика на жердочке нет, то встревожился не на шутку и торопливо постучал по прутьям клетки. Рик, испугавшись моего стука, замахал крыльями и вспорхнул на стенку клетки. Он был жив, и я успокоился. С тех пор я каждый раз проверял таким способом, в порядке ли еще наш попугайчик.

Проверку эту я проводил утром и поздно вечером, в остальное время избегая глядеть в сторону клетки. И правда, на Рика уже стало неприятно смотреть, он становился уродом. Перья у него выпадали, а те, что не выпали – были косматыми и жидкими. Конец клюва, изъеденный каким-то грибок, уже упирался ему в грудь, а когти выросли настолько, что ему невозможно было даже при желании усесться на жердочке или, например, взобраться по прутьям клетки. Потому он и перестал взлетать на жердочку, даже от стука, а только показывал слабым шевелением, что еще жив. Впрочем, он больше не кричал по ночам. Он примирился со своей судьбой, примирился и с тем, что никогда не увидит своей родины и своего племени. Но ему все же чудилось что-то, чудилось это пение попугаев, которое он слышал, казалось, так давно. Оно ведь было, несомненно было! Волнистые попугаи пели так близко, он не мог ведь ошибиться! Иногда, когда воспоминания того времени бывали достаточно яркие, он пытался отозваться, пытался закричать, но голос уже не слушался и выходило только какое-то скрипение. Вскоре он перестал и скрипеть и больше никак не привлекал к себе внимания. Пошевелиться раз в день, чтобы успокоить совесть его хозяина, его тюремщика – меня – было тем единственным, что Рик, видимо, бессознательно посчитал своим долгом.

В один зимний вечер (прошел примерно год с того дня, когда мы решили купить попугая) я вернулся домой поздно. Привычно я постучал по прутьям клетки, но внутри никто не пошевелился. Я решил, что завтра проверю, а сейчас Рик, наверное, спит, и поскорее лег спать сам. Наутро я снова стучал по клетке, и снова не слышал ответа. Тогда я решился снять ее со шкафа и посмотреть, и осторожно ее спустил на пол. Но едва заглянув в

клетку, я отшатнулся, закрыл руками лицо и выбежал из комнаты. Довольно долго я сидел на кухне, обездвиженный малодушным страхом. Наконец, совершив над собой большое усилие, я взял полиэтиленовый пакет и вернулся в свою комнату. Клетка стояла на полу. Я снял верхнюю часть ее и принялся, отвернувшись, высыпать содержимое поддона в пакет. Сначала сыпалась разная шелуха, помет, бумажки. Потом упало что-то увесистое, и я понял, что теперь можно смотреть. Но любопытство во мне не вполне победило страх, и я заглянул в пакет очень быстро. Впрочем, и этого взгляда хватило, чтобы увидеть: в пакете, в рыхлой горе зерновой шелухи, помешанной с птичьим пометом, лежало страшное существо: косматое, уродливое, злое.

Я завязал пакет и вынес его к мусоропроводу, где поспешно, словно избавляясь от улики, бросил в черную трубу. Потом вернулся в комнату, сам не свой, схватился за голову, и бросился на колени перед окном, стал молиться, часто крестясь и плача.

Вот так существовал и умер наш третий жилец, Рик, Ричард, Ричард Третий. Нельзя сказать, что он оставил по себе добрую память. Скорее, мы о нем вовсе старались не вспоминать. Но пение попугаев больше не звучало в нашем доме – должно быть, Рик забрал его с собой. Наверное, там, где он сейчас – пение это звучит, не умолкая.

Об авторе: КОНСТАНТИН БАШКИРОВ

Родился в 1997 году в Санкт-Петербурге, учился в 610-й классической гимназии, в Электротехническом и Лесотехнической университетах, ни один из которых не окончил. Пишет с 2014 года, нигде до настоящего времени не публиковался. Neкаýalar